

Пьер Луис (Pierre Louys, 1870–1925)

Astarté

Elle siège, croissant d'une immobile étroite
Un bras nu sur les seins verts spirales d'or fin
Et cambre au bord du thrône où rêve le dauphin
Sa peau de lune froide et d'air nocturne peinte.
D'un long ruban d'iris sa chevelure est ceinte
Où dort le croissant clair sur le disque divin,
Ses yeux purs abaissés réverbèrent sans fin
L'inclore nombril comme une étoile éteinte.
Elle tient dans ses doigts extatiques et bleus
Au pli vierge du sexe un lotus fabuleux -
Et deux tiges de lys qui sortent des aisselles
Glissent le long du corps leur geste divergent
Toucher dans le reflet des nuits universelles
Le marbre où sont fléchis ses pieds ornés d'argent.

Diagonale

En vos prunelles iridées
Matutinal s'évanouit
Le tourbillon des sens de nuit,
L'essaim des bêtes mal bridées,
Chimères de gueules qui font
Tresse aux tiges sous les corolles,
De fantastiques flammeroles
En barre sur le ciel profond ;
Griffons d'or aux ailes de sable
Au vol éployé sur l'écu
Parmi les lys ayant vécu
Dans le seul songe efflorissable;
Poissons de sinople et d'argent
Eclat en torses de sirènes;
Licornes branchant sous les rênes,
Et, la pointe à terre, chargeant;
Stryges dont le pied sec s'empiègre
De néphthys et de lys d'eau.
Tout s'envole comme un rideau
Sur une limpidité vierge.
Et, pêchés d'aube aux yeux malsains,
Fièvre des cernures livides,
Forme en péril des corps avides
Qu'un vent suspendu au rap des seins;
Double rêve qui s'écartèle
De pourpre dans l'or du blason,
La fuligineuse toison
Brochant sur l'étreinte immortelle,
S'apaisent. Mais l'étrange essor
Psychique étant son envergure
Innombrable où se transfigure
Un vol d'images sur champ d'or.
Et l'aube fait fleurir idées
Le tourbillon des sens de nuit
Qui s'éclaircit et s'épanouit
En vos prunelles iridées.

Hommage à Victor Hugo

Le Satyre, Amour roux qu'il créa dieu des dieux,
L'a repris pour soi-même et le porte à la tombe
Cadavre, mains d'ou la clarté gouttée et tombe
Et qui livrent la lyre au vent mélodieux.
Il creusera la fosse à l'ombre d'un vieux arbre
Près d'une source, où les nymphes d'eau souriront.
Le soir, l'une viendra s'y déflourir le front,
Et, tendre pour le Mort, couronnera son marbre,
Alors, penchant les mains sur les jons palpitants,
Pan verra luire au ciel merveilleux des étangs
Un pays pur de lune et de laiteux mystère
Et la nuit sous les bois est de si triste argent
Qu'il pensera rêver tout au coeur de la terre
L'arme, parmi près d'asphodèles, songeant.

Sonnet pour un éventail trois branches qui semblaient des plumes noires

D'une main si triste mouvant
Où chatoue un éventail noir
Avec ces plumes au miroir
Une invisible Eve s'évente.
Les yeux mi-fermés elle invente
Un cygne sur un lac du soir
Elle sent monter et décroir
Une aile en silence révante
D'où s'échappe vers ce tableau
Légère d'ombres et de rêve
Une fin de plumes sur l'eau
Où l'ombre invisible d'une Eve
Qui d'un grand geste épanouit
Le vaste éventail de la nuit.

Les aigles

Le burg monstrueux d'ombre et les tours spiraloimbantes
Usurpateurs de l'épouvantement des vents
Écoutent dans l'effroi des ténébreuses tombantes
Les Héros fils de Dzeus et les dieux survivants
Conquérir la montagne aux cris des corybantes.
Venus des eaux, des bois, des prés bleus, des étangs,
Des brises, descendus des cieux, montés des vagues,
Ils marchent à l'assaut des hautes portes vagues
De la Nuit romantique et du Songe et des Temps.
Ils marchent, éblouis, couverts de lumière, ivres
De fondre à leur soleil les neiges et les givres
Et d'enfoncer le jour dans le mer crevasse;
Et voici qu'au-dessus des armes et des torches,
Beaux, et foudroyant d'or le noir deuil du Passé,
Les aigles blancs passent à travers les grands porches.

Aстарта

В спираль золотых приподнятые груди,
Сидит недвижная, и стан ее худой
Над троном выгнулась, где брызгает водой
Дельфин, лоснящийся, подобно лунной гряде.
Витые волосы вздымаются в загроде
Сплетенных ирисов, и месяц молодой
Серпом венчает лоб, пупок дрожит звездой,
И взор потупленный отшат от лобной причуде.
На складке девственной, томительно жесток,
Хмельного лотоса раскинулся цветок,
Тугими пальцами до иступления стиснут.
Две тонких лилии зажаты под плечом:
К ногам, к сандалиям вдоль тела стелбли виснут,
Вселенской полинии очерчены лучом.

Дамаскировка

Светлы, как радужные дали,
Твои рассветные глаза:
Тревог рассеялась гроза,
Ночных зверей мы обуздали -
Толпу финифтовых огней
Над шлемами резного стебля,
Чи коконы, листу колебля,
На фоне тьмы еще красней,
Грифонов златокрылых стаю
На геральдических щитах,
Парящую в одних нечтах,
Где среди лилий я плутаю,
Где под зеленою водой
Серебряным сирenan внемлю -
Там, упираясь, роют землю
Единороги под уздой.
В кувшинковых скрещеньях белых
Замтиров когти срывают -
Но и они пропасть должны
Девизом стран поглубельных,
Там очи утренних грехов
В коронах страстной лихорадки
Твердят, что миг слиянть краткий
На гребне жадных тел пухов.
Раздвоен мехом горноста
Недавний сон, тускла резьба
Четверочастного герба, -
Бессмертья перевязь витая
Ослаблена, но сонм идей
Парит в дикийном полете:
На разграфленной позолоте
Виденья чертит чародей,
Играя ликами медали,
Тревог полночная гроза
Рассеялась, - твои глаза
Светлы, как радужные дали.

На смерть Виктора Гюго

Бог чувственной любви, сатир рыжеволосый,
В котором высшее ты видел божество,
Унес к себе твою труп, пока из рук его
Сладкогослых лир еще сочили росы.
Он яму выроет под деревом болышим
У чистого ключа, где нифира ночью звездной,
Собрав цветы со лба, украсит мрамор слезный:
Ульбчив будет ключ, а плач - неуссуим.
Склонясь над тростником, податливым и смуглым,
Увидит древний Пан в озерном небе круглом
Виденья мимичные на лунном берегу,
И душу - в глубине земли первоначальной
На асфоделевом беспятном лугу,
Настолько будет ночь серебряно-печальной.

Сонет о веере с тремя полосками, похожими на черные перья

Чернея в глубине зеркал,
Раскрылся веер полукругом,
Мелькнул в молчании упрюгом,
В руке у Евы засверкал.
Ей лебедь у озерных скал
Привиделся, и друг за другом,
Подобно оперенным дугам,
Заблился крыльям, залпескал
Властитель тайн, - полузакрyla
Глаза невидимо она,
Вода сомкнулась чернокрыло:
Не Ева - тень ее одна -
Кольшет, сумрака жесточе,
Волнообразный веер ночи.

Орлы

Во тьме, владычице раскатов гробовых,
Лытыми башнями полночный свод распрот,
Героям и богам, оставшимся в живых,
Повелевает Зевс обрушиться на город,
И корибантов крик гремит на мостовых.
Жильцы лугов и рощ, жильцы озер и прочей
Природной влажнкости, где жизнь еще чиста,
Жильцы небеса, должны взломать они врата
Мечты, и Вечности, и Романтичной Ночи.
Лучами опьянся, шагают на врага,
Чтоб солнцем растопить вершинные снега,
Лазурный день несут Бесветному пролому.
И там, где факелы Бессильны против мглы,
Сжигая темный страх и траур по Бюлому,
К бойнищам белые слетаются орлы.

From:

<http://dubrovkin.imwerden.de/> - **Персональная страница Романа Дубровкина**

Permanent link:

<http://dubrovkin.imwerden.de/doku.php/louys>

Last update: **2013/05/27 13:42**